

*Посвящается тем, кто мечтает
о невозможном, и тем, кто считает
невозможным мечтать.*

*В скором времени
вам так много всего предстоит.*

Маргарет не должна была выходить сегодня вечером. Подморозило слишком резко для середины осени, холодом проняло даже деревья. Еще вчера утром листья за ее окном вспыхивали на солнце, золотисто-медовые и алые, как кровь. А теперь больше половины стали ломкими и камнем падают с веток, и она видит только одно: что ей предстоит много-много часов работы. И целое море мертвечины.

Мысли как раз из тех, за которые миссис Рефорд непременно упрекнула бы ее. В ушах Маргарет, как наяву, звучат ее слова: «Семнадцать лет бывает всего раз в жизни, Мэгги. Уж поверь мне, провести это время можно гораздо лучше, чем тратить его впустую, присматривая за домом, чтоб ему провалиться».

Но в том-то и дело, что не каждый может позволить себе разбазаривать время в семнадцать лет. И не всем *охота*, уподобляясь Джейме Харрингтону и его друзьям, прыгать со скал и наливаться дешевой самогонкой после работы. Для того чтобы заниматься подобными глупостями, на Маргарет лежит слишком много обязанностей, и, что еще важнее, у нее дома не осталось дров. С тех пор как два дня назад они кончились, холод с удобством расположился в доме усадьбы Уэлти-Мэнор. Этим вечером он поджидает ее не только снаружи, но и внутри, злорадно ухмыляясь из камина, полного остывшей золы. Как ни страшно ей колоть дерево в такой поздний час, ничего другого ей все равно не остается. Морозно уже сейчас или станет немного погода.

Остатки дня сочатся из-за горных вершин, по каплям вливают во двор свет — багровый, оттенка потрохов. Как только солнце скроется полностью, станет еще холоднее. Прошлую ночь Маргарет провела без сна, дрожа в ознобе, и теперь у нее все ноет так, будто ее надолго засунули в обувную коробку. Возможность помедлить еще хоть немного, откладывая наименее любимое из домашних дел, не стоит завтрашнего повторения тех же мучений.

Морозно уже сейчас.

Натянув на уши старый материнский клош, Маргарет сходит с крыльца и бредет по опавшей листве во двор за домом, где возле ржавой тачки сгорбилась поленница. Скопившаяся в тачке дождевая вода серебрится от ранних заморозков и отражает тусклый свет неба, которому сумерки придали оттенок синяка. Потянувшись, чтобы взять чурбак, Маргарет мельком видит в воде собственное осунувшееся лицо. Выглядит она такой же усталой, какой чувствует себя.

Маргарет ставит чурбак на колоду и берется за колун. Когда она была маленькой и тонкой, ей приходилось каждый раз бросаться на чурбак всем весом, обрушивая на него колун. А сейчас опускать его так же легко, как дышать. Просвистев в воздухе, колун вонзается в дерево с громким «крак», вспугнув с ветки двух ворон. Маргарет перехватывает рукоятку поудобнее и шипит сквозь зубы от боли, загнав себе в руку занозу.

Она разглядывает кровь, проступившую в складках ладони, потом слизывает ее. Холод пробирается в ранку, слабый привкус меди обволакивает язык. Надо бы ошкурить рукоятку, пока та не выгрызла из нее еще частичку плоти, но времени нет. Времени не хватает ни на что.

Обычно она готовится к зиме заранее, но с тех пор как три месяца назад ушла ее мать дела только накапливались. Окна требуется законопатить, черепицу заменить, шкуры вытрясти и осмотреть. Справиться было бы гораздо проще, если бы она изучала алхимию, как всегда хотела ее мать, но этого не будет ни за что, как бы она ни голодала и ни отчаивалась.

Какой только смысл не вкладывают в алхимию люди. Для наиболее практично настроенных ученых это процесс извлечения из материи ее сущности и способ познания мира. Богобоязненные приверженцы катаризма утверждают, что алхимия способна очищать что угодно, даже людей. Но Маргарет знает правду. Алхимия — и не прогресс, и не спасение. Это смрад серы, который невозможно смыть с волос. Это уложенные чемоданы и запертые двери. Кровь и чернила на половицах.

Маргарет и без алхимии проживет до тех пор, пока мать не вернется — *если* вернется. Она сразу же пресекает эту мысль, давит ее в зародыше. В связи с исследованиями Ивлин постоянно путешествует, и до сих пор она всегда возвращалась. В этот раз немного задержалась, только и всего.

Где же ты сейчас?

Много лет назад, когда у Маргарет еще хватало на это духу, она забиралась на крышу и воображала, что способна увидеть за тысячу миль все те удивительные места, которые сманили Ивлин, увели от нее. Но как она ни силилась, так ничего и не увидела — кроме утопанной проселочной дороги, сбегаящей по склону горы, слабого, как у светляка на брюшке, свечения сонного городка вдалеке, а еще дальше, за золотистыми полями ржи и полевицы, — мерцающую черноту Полулунного моря, подобную звездной ночи. Дар фантазии обошел ее стороной, а кроме Уикдона, она ничего в округе не знает. И не может представить раскинувшийся за ним большой мир.

В такой вечер все в округе будут ежиться от холода, доводя до кипения густую похлебку и отрывая от буханок темного хлеба большие куски. Этот образ жалит, пусть и чуть-чуть. Одиночество Маргарет вполне устраивает — и даже более чем устраивает. Вот только мрачная перспектива вареной картошки на ужин вызывает легкую зависть. Желудок урчит, ветер вздыхает ей в затылок. Еще живые листья колышутся над головой, шумят, как набегающие на берег волны.

Ш-ш, словно говорят они. Слушай.

Воздух становится жутко, пугающе недвижимым. По рукам Маргарет пробегают мурашки. За семнадцать лет, проведенных в этих лесах, они ни разу прежде не внушали ей страха, но теперь тьма усаживается ей на кожу, толстая и уродливая, растекается по ней, словно холодный пот.

Среди деревьев, обступивших дом, ломается ветка — гулко, будто стреляет. Маргарет резко оборачивается на звук, вскинув колун и оскалив зубы.

Но поодаль стоит только ее кунхаунд Бедокур. И выглядит величественно и вместе с тем потешно с огромными наостренными ушами и блестящей шерстью медного оттенка. Маргарет опускает свое оружие, оно глухо ударяется о мерзлую землю. Должно быть, пес выскользнул за дверь, пока она не видела.

— Что ты там делаешь? — спрашивает она, чувствуя себя глупо. — Напугал ты меня.

Бедокур рассеянно виляет хвостом, но по-прежнему напряженно вглядывается в лес, подрагивая от сосредоточенности. Должно быть, и он чувствует, как потрескивает воздух, словно перед грозой. Внушает Маргарет острое сожаление, что тяжесть у нее в руках — колун, а не ружье.

— Фу, Бедокур.

Он даже взглядом ее не достаивает. Маргарет раздраженно вздыхает, пар ее дыхания отчетливо виден в воздухе. Похоже, неизвестному запаху она не соперница. Стоит Бедокуру учуять что-нибудь, и он забывает обо всем остальном. Но на охоте цены ему нет, хоть порой на него и накатывает ослиное упрямство.

Тут до нее доходит, как давно они не бывали на охоте — и как она стосковалась по ни с чем не сравнимому охотничьему азарту. По-своему миссис Рефорд права. Жизнь — это не только попытки сохранить обветшалую усадьбу, не только растрата своего семнадцатого года на выживание. Чего миссис Рефорд никогда не поймет, так это того, что дом она старается сберечь не для себя. Для Ивлин.

Прежде чем отправиться в поездку, мать всегда говорит одно и то же: «Как только я раздобуду все необходимое для

моих исследований, мы опять заживем одной семьей». Слаще этого обещания нет на свете. На самом деле их семье уже никогда не стать прежней, но Маргарет пуще всего дорожит воспоминаниями о том, как все было *раньше*. Раньше — то есть до того, как ее брат умер, отец ушел, а алхимия выжгла всю нежность из сердца матери. Маргарет держит эти воспоминания при себе, как «тревожные камушки», бесконечно вертит в памяти, пока они не становятся гладкими, теплыми и привычными.

Каждую неделю они ходили в Уикдон за покупками, и на обратном пути Маргарет обязательно просила мать понести ее. И даже когда она уже слишком повзрослела, чтобы проситься на ручки, Ивлин подхватывала ее, ахала: «Кто же тебе разрешил так вырасти, мисс Мэгги!», и целовала, а Маргарет заливалась смехом. Мир перед ее глазами становился нечетким и пятнистым от солнечного света, она дремала в материнских объятиях, и, хотя идти до дома было добрых пять миль, Ивлин никогда не жаловалась и не спускала ее с рук.

Как только Ивлин закончит исследования, все пойдет по-другому. Они будут вместе, они снова будут счастливы. *Вот* ради чего стоит повременить с собственной жизнью. Подумав об этом, она вскидывает колун и снова бьет по чурбаку. А когда наклоняется, чтобы собрать щепки, холодок прокрадывается ей под одежду.

Смотри вон туда, шепчет ветер. Смотри.

Маргарет медленно поднимает глаза и глядит в сторону леса. За спутанной ветром завесой ее волос нет ничего, кроме темноты. Ничего, кроме шепота листьев над головой, шепота, который становится все громче и громче.

А потом она видит.

Поначалу — почти ничего. Дымок, подобно лодке, проплывающий в подлеске. Обман ее помутившегося рассудка. Затем в темноте вспыхивает пара круглых немигающих глаз. За ними появляется острый нос, с которого тени соскальзывают, как вода. Словно туман над морем, белый лис величинной с Бедокура крадется в лунном свете. Маргарет никогда

прежде не видела лисов вроде этого, однако она точно знает, кто это такой. Древняя сущность, древнее даже, чем секвойи, возвышающиеся над ней.

Тот самый хала.

Каждый ребенок в Уикдоне взращен на легендах о хала, а Маргарет впервые услышала одну из них за пределами дома, в тот момент, когда осознала, что их семья не такая, как все. Церковь катаристов изображает хала и им подобных, то есть демиургов, демонами. А отец говорил ей: то, что сотворено Богом, не может быть злом. Для ю'адир хала священны, они носители божественного знания.

Не повредит, если окажешь ему уважение. Маргарет стоит неподвижно.

Глаза хала сплошь белые, без зрачков, тяжесть его взгляда она ощущает как лезвие, прижатое сзади к шее. Он слегка открывает пасть, и от этого предостерегающего движения вскрикивает маленький зверек внутри у Маргарет. Шерсть на загривке Бедокура встает дыбом, у него вырывается рык.

Если Бедокур нападет, хала перегрызет ему горло.

— Бедокур, нет! — От отчаяния ее голос хрипнет достаточно, чтобы рассеять чары. Пес оборачивается к ней, явно озадаченно взмахнув ушами.

Она не успевает ни осмыслить это, ни даже моргнуть глазом, а лис уже исчез.

У нее вырывается прерывистый вздох. Ветер вторит ей, прочесывая листья с ломким, угасающим звуком. Пошатываясь, Маргарет подходит к Бедокуру, падает рядом с ним на колени и порывисто обнимает его за шею обеими руками. Пахнет от него противно, дрожжевой вонью мокрой псины, но он цел и невредим, а остальное не важно. Их сердца бьются в унисон, и прекраснее этого она ничего не слышала.

— Хороший мальчик, — шепчет она, ненавидя себя за сбивчивый голос. — Прости, что накричала. Прости, пожалуйста.

Что же *произошло* только что? Ее мысли проясняются, облегчение уступает место единственному пугающему осозна-

нию. Если это существо здесь, в Уикдоне, скоро последует Полулунная Охота.

Каждую осень тот самый хала появляется где-нибудь в приморских лесах. И проводит в них пять недель, наводя ужас на выбранную территорию, пока не исчезнет вновь наутро после Холодной Луны. Никто не знает, почему он задерживается где-либо или куда уходит, или же почему его сила растет с прибыванием луны, но богатейшие жители Нового Альбиона сделали из его появления национальный вид спорта.

На время нескольких недель шумихи, предшествующей охоте, в местах ее проведения прибавляется приезжих. Охотники и алхимики вносят свои имена в списки участников охоты, и каждый надеется стать героем, который сразит последнего живого демиурга. В ночь Холодной Луны они выезжают верхом в погоню за добычей. В этих кругах властвуют алхимики, легенда гласит, что демиурга можно убить только при свете полной луны. От предвкушения охота слаще. И участники, и зрители жаждут заплатить кровью за честь добыть того самого хала в расцвете его силы. Чем больше разрушений он творит, тем острее азарт погони.

В Уикдоне охота не проводилась почти двадцать лет, но Маргарет слышала обрывки рассказов о ней, которыми обменивались на пристани. Захлебывающиеся лаем собаки, доведенные до бешенства магией, грохот выстрелов, неистовое ржание коней, разорванных, но еще живых. С самого детства Маргарет эта охота была для нее не чем иным, как кровавым вымыслом. Дело истинных новоальбионских героев, а не деревенской девчонки, отец которой — ю'адир. *Реальной* охота не была никогда. И вот теперь явилась сюда.

Так близко, что можно внести в список свое имя. Достаточно близко, чтобы победить.

Мысль о том, как она разочарует отца, наносит ей болезненный укол, но разве она в долгу перед ним теперь? Будучи ю'адир лишь наполовину, она не вправе претендовать на родство с тем самым хала. И потом, возможно, убив его ради благой цели, она выразит ему особое уважение. Маргарет

не стремится к тому, чтобы ее имя прославляли в кабаках, она никогда не желала признания ни от кого, кроме матери.

Она закрывает глаза, и силуэт Ивлин возникает на фоне солнца, вытесняющего мрак. Она повернулась спиной к усадьбе, в руках у нее чемоданы, волосы золотистой лентой вьются на ветру. Уходит. Вечно уходит.

Но если Маргарет победит, может, этого хватит, чтобы убедить ее остаться.

Большой приз — это деньги, слава и тушка того самого хала. Большинство охотников сочло бы ее трофеем, достойным, чтобы набить чучело и выставить на видное место. Но Ивлин она нужна для исследований, чтобы завершить труд всей ее жизни алхимика. По словам матери Маргарет, давно почившие мистики выдвинули гипотезу, согласно которой первовещество, основу всего, что существует в мире, можно выделить, если сжечь в алхимическом пламени кости демиурга. Из этого божественного эфира алхимик способен создать философский камень, дарующий бессмертие и способность создавать материю из ничего.

В катаризме любые попытки выделить первовещество считаются ересью, поэтому, кроме Ивлин, никто из новоальбионских алхимиков таких исследований не ведет. Создать философский камень — ее единственное исключительное стремление. Долгие годы она охотилась за немногочисленными манускриптами, в которых объясняется суть процесса, и три месяца назад покинула страну, чтобы проверить, не приведет ли к цели новая ниточка. А теперь тот самый хала, последняя составляющая ее поисков, наконец здесь.

Бедокур высвобождается из объятий Маргарет, выводит ее из раздумий.

— Нет, не уйдешь, — она хватает его за уши, звонко чмокает в макушку. Пес смущается, Маргарет не может сдержать улыбку. Дразнить Бедокура — одна из считанных радостей ее жизни.

Когда она наконец отпускает пса, тот негодуя встряхивает ушами и отскакивает подальше. И застывает, вски-

нув величественную голову и свесив язык, одно ухо вывернулось розовой изнанкой наружу. Впервые за много дней Маргарет смеется. На самом деле он любит ее, просто старательно скрывает это — гордое, полное достоинства существо. А Маргарет любит его бесхитростно, открыто и гораздо сильнее, чем что-либо еще в этом мире.

Эти мысли отрезвляют ее. Бедокур — прекрасный охотничий пес, но он уже немолод. Рисковать его жизнью ради глупой затеи вроде участия в охоте она не готова. У нее нет времени на подготовку, ей едва хватит денег заплатить за участие, у нее нет связи с алхимиками, которым она может довериться, как нет и знакомых алхимиков, заслуживающих доверия. Участвовать в охоте разрешается лишь командам из двух человек — меткого стрелка и алхимика.

И кроме того, существует только один верный способ убить демиурга, известный ей. Для него нужна алхимия... Но она скорее умрет, чем увидит, как кто-то вновь пробует применить ее.

Даже если есть другой способ, не важно. Если кто-нибудь узнает, что девчонка-ю'адир участвует в охоте, ее жизнь превратится в кошмар. До сих пор она выживала лишь потому, что держала язык за зубами. Лучше уж так, думает она. Лучше сразу перерезать горло слабой надежде, чем дать ей зачахнуть, как волку в капкане. В самой глубине души Маргарет уже знает, чем кончится подобная история. И что случается с людьми, которые стремятся к недосягаемому. Может, в другой жизни она и осуществит мечту. Но не в этой.

Погоня за этим лисом не принесет ей ничего, кроме гибели.